

рассказ

Юрий Волков

Награды моего деда

16

Отгремели юбилейные парады в честь
Дня Великой Победы,
отмечен День памяти по случаю 75-летия
начала Великой Отечественной войны...
Но тема самой кровопролитной бойни на земле,
конечно, не закрыта

ЗНАЕТЕ, когда заканчивается память и начинается История? Та История, которую пишут в назидание потомкам; которая должна воспитывать и вдохновлять; которая никакого отношения к правде не имеет? Я думаю, что в тот момент, когда люди утрачивают личную связь с событиями, когда уже вспоминает не сердце, а только разум. Потому что память – это наши чувства, а История – всего лишь информация...

Но День Победы я помню сердцем. Не парады и салюты, не фильмы и фронтовые песни в парках, а висящий на стуле пиджак моего деда с множеством орденов и медалей.

Это сегодня День Победы – насквозь официальный, грозный и невероятно пафосный праздник. Когда новейшие танки и тягачи с ядерными ракетами едут по Красной площади столицы, а над ними кружат стратегические бомбардировщики. Чтоб весь мир знал – тогда врагов победили, и сейчас кого хочешь победим.

А лет тридцать-сорок назад не нужно было километрами георгиевской ленточки всю страну обматывать, чтобы помнили. Потому что и так помнили хорошо – живы были те, кто добывал эту победу. И 9 Мая был больше домашним праздником, а не общегосударственным. Собирались семьями, за столом, приглашали друзей. Чтоб вспомнить тех, кто не вернулся, и порадоваться за тех, кто дожил до сегодняшнего дня. Выпивали, пели песни, плакали. При застольях этих деда всегда сажали во главе стола на самый удобный стул с высокой спинкой. И бабушка обязательно надевала на деда парадный пиджак с орденами и медалями.

Дед сидел на почётном месте при параде минут пятнадцать, до первого тоста. Затем вставал, вроде как по делам, снимал пиджак, вешал его на спинку стула и выходил из комнаты. Когда же возвращался, садился уже не на главное место, а куда-нибудь на диван, потеснив остальных гостей. Так застолье

и продолжалось – пиджак с наградами висел на стуле во главе стола сам по себе, а дед сидел где-то сам по себе. День Победы они праздновали отдельно друг от друга – наградной пиджак и дед.

Дед прошёл всю войну – и германский фронт, и японский. С июня 1941-го по март 46-го. В пехоте, рядовым. Лишь до ефрейтора дослужился. Несколько ранений, госпиталя, потом опять пере-

довая. И про войну категорически не хотел ничего рассказывать. Все деды как деды – в школах воспоминаниями делились, на трибунах стояли. А мой – отказывался.

Вот наград у него было много. Но относился он к ним... Дарил нам, внукам, чтоб играли. Если я выменивал боевую медаль на значок «Ну, погоди!» – всегда хвалил. Внуков четверо, все мы карапузами игрались дедовскими наградами.

Сколько потеряли, сколько раздарили друзьям! Но всё равно – оставались! Много было у деда наград. Хотя пехоту, вроде как, и не жаловали знаками отличия...

Наградной пиджак – это вообще бабушкина инициатива. Если б не она, дед бы все свои награды за месяц растерял и раздарил. Но бабуля зорко следила за парадным пиджаком, чистила ордена и медали, всегда отсылала деда получать новые, недополученные на войне или юбилейные.

– Ну что ты неумеха какой! Зайди в медаляках в магазин-то, глядишь – чё без очереди купишь, все ж так делают, – ругалась бабушка.

– Эхххх, – вздыхал дед.

Но наградной пиджак позволял надеть на себя лишь по праздникам, да и то не надолго.

Вообще, очень интересно они с бабушкой жили. Бабуля верховодила в семье всем, решала каждую мелочь – что деду надеть, что покушать, когда спать ложиться. Он не спорил и не возражал. Но в редких и действительно важных вопросах дед решал единолично всё сам, ни с кем не советуясь. И говорил об этом один раз – никто не спорил. Так он просто решил, что все трое детей-погодок окончат институты, дневное. Притом что семья жила очень бедно, бабушка не работала. Притом, что тётка моя и учиться-то вообще не хотела. Притом что мой отец нашёл было после школы выгодную работу. Но дед просто сказал – и всё. Все дети с высшим образованием.

Ещё бабушка вечно его пилила – какой он к жизни не приспособленный, ничего по хозяйству не умеет, всё ей приходится... Дед лишь вздыхал и соглашался. Но вот как-то бабулю положили в больницу, и я был поражён насколько ловко, умело и с явным удовольствием дед делает домашние дела. И поест сготовить, и постирать, и убраться. Лучше, чем бабушка. И лишь много лет спустя я понял – если ты кого-то любишь, недостаточно стать необходимым этому человеку. Куда важнее дать почувствовать его необходимость тебе...

Дед с бабулей никогда не ругался, он вообще очень молчаливый был. Русский был для него не родным языком, который до конца он так и не смог выучить. Говорил с акцентом и множеством ошибок, в принципе не мог понять грамматическую категорию «род». Поэтому всё больше молчал. Но почему-то очень любил русские песни, чуток выпив, всегда да пел, безбожно пугаясь в окончаниях:

**Гремела буря, дождь шумела,
Во мраке молнии блистала,
И непрерывно гром гремела,
И в дебрях ветер бушевала...**

Но что интересно, дед – один из очень немногих людей в моей жизни, с кем комфортно было молчать. Не просто молчать. Те редкие слова, которые он произносил, заставляли задуматься, размышлять о чём-то важном и нужном. Он так умел.

У деда было три класса образования. То есть ровно столько, чтоб кое-как научиться читать и писать. Но читать он очень любил. Читал всегда – книги, газеты, брошюры какие-то. Читал очень медленно, по слогам, шевеля губами и явно переводя написанное на родной язык. Но читал всегда, а вот телевизор и радио терпеть не мог.

Дед – человек верующий, никогда не ругался матом. Вообще бранных слов не произносил, делая лишь одно исключение. Стоило хоть кому-то где-то упомянуть «отца всех народов» Иосифа Виссарионовича Сталина, как дед тихо выдавливал «сво-о-олочь», протяжно так, с шипением каким-то. И столько ненависти было в это слово вложено, сколько не получалось вложить ни диссидентам в их обличительные речи, ни позднее новым демократам при строительстве карьеры. Сталина сволочью дед называл всегда. И даже когда жив был «отец народов», когда за подобный эпитет в его адрес червонец запросто могли намотать. Почему, отчего – не известно. Ни сам дед, ни кто-то из его родни от сталинских репрессий не пострадали... Бабушка боялась, одёргивала деда – «накликаешь». Но – пронесло...

Мой отец занимал высокий пост, поэтому часто приглашал на семейные праздники людей с работы. Коллег, подчинённых, начальство. Как-то на День Победы был у нас в гостях один очень крупный партийный босс. Дед сидел с одной стороны длинного стола, а этот товарищ – с другой, вроде как оба на почётных местах. Выпили за Победу, выпили за не вернувшихся с фронта друзей. И тут встаёт этот руководитель и предлагает тост за вдохновителя всех побед Иосифа Виссарионовича Сталина, имя которого незаслуженно забыто. За столом повисла тишина. Дед молча поставил наполненную стопку с водкой, встал, снял наградной пиджак и аккуратно повесил на спинку стула. Лишь потом сказал:

– Спички кончились, да... Пойду, курить надо...

И ушёл, так же молча. Дальнейшее застолье продолжалось уже без деда, скомкано и принуждённо. Лишь пиджак с наградами висел на стуле. А дед гулял где-то до позднего вечера.

Последний раз он надел наградной пиджак в 1987 году. Дед уже старый был. И вот на День Победы пошёл гулять при своих наградах. В самый разгар горбачёвской антиалкогольной компании. Встретил фронтового друга, что редкость – уже поумирали большинство, да и страна большая. А тут встретились. Взяли бутылочку у таксистов, сели на лавку, выпили, войну вспомнили. Тут их и забрал милицейский патруль – за распитие спиртного в общественном месте. Двух ветеранов в наградах на День Победы. Но у милиции план....

Дед просидел в отделении всю ночь, до утреннего развода. Отец мой в то время власть имел, повторяю, немалую... Можно было даже не звонить, а просто патрулю номер телефона продиктовать, по которому позвонить надо. Сразу по стойке смиренно встали б и пожелали приятно побезобразничать. Но дед звонить не стал.

Утром отпустили, бабушка вся в слезах встретила. Отец мой узнал, в бешенство пришёл. Даже не за деда, по факту. Нашёл тут же всех ментов к делу причастных, устроил разнос. И начал действия по увольнению из органов и исключения из комсомолов-партий. Он мог. Сказал об этом деду – и дед запретил. Категорически. Просто, как он умел, сказал один раз, чтоб ментов-обидчиков батя оставил в покое. «Я сам виноват». Но парадный пиджак не надевал больше ни разу, как бы бабка не заставляла. И все последующие годы бабушка просто вешала пиджак с орденами и медалями на спинку стула в День Победы...

Несколько лет спустя я спросил у деда, почему у него такое пренебрежительное отношение к боевым наградам. Столько их, гордиться ж надо!

– Чем гордиться? – спросил дед. – Тем, что я людей убивал?

– Ты же фашистов бил!!!

– Я убивал людей... Гордиться тут нечем... Тут плакать надо...

Рано или поздно история и память всегда расходятся и идут каждая своей дорогой...

